

Г. В. Лейбниц о разделении суверенитета*

Ольга Башкина

Аспирант факультета философии, Лёвенский университет, Бельгия

Адрес: Frederik Lintstraat 186, 3000, Leuven, Belgium

E-mail: olga.bashkina@gmail.com

Г. В. Лейбниц не известен широкому читателю как политический философ. Его достижения в этой сфере обычно не считают сопоставимыми с его признанными открытиями в других областях знания. Между тем, вопреки распространённому мнению, вклад философа в политическую теорию не менее значим. Автор статьи рассматривает философию Лейбница в контексте истории понятий «федерация» и «суверенитет» и показывает, что Лейбниц предлагает свою оригинальную трактовку этих понятий. Хотя внимание Лейбница к проблеме суверенитета изначально обусловлено практическими интересами его патрона, герцога Брауншвейг-Люнебургского, и его стремлением к участию в международных переговорах, теоретическое решение Лейбница не становится от этого менее оригинальным. Доказывая независимость имперских князей, он создает альтернативу теории абсолютного суверенитета Жана Бодена и показывает, что понятие суверенитета совместимо с идеей делимости. В попытке показать возможность сосуществования нескольких центров власти Лейбниц делает понятие суверенитета относительным, что, однако, не вынуждает его отказаться от этого понятия полностью. В статье обсуждаются исторический контекст, сопутствующий появлению теории, причины, по которым Лейбниц критикует концепцию Бодена и Гоббса, а также новизна его подхода. На примере работ Лейбница «Codex Juris Gentium» (1693) и «Caesarinus Fürstenerius (De Suprematu Principium Germaniae)» (1677) автор статьи анализирует развитие его теории и демонстрирует, как происходит разделение власти между императором (*majestas*) и имперскими князьями (*suprematus*). В статье также поднимаются вопросы как интересы Лейбница схожи со стремлениями современных политических теоретиков переосмыслить понятие суверенитета, какую модель федерации выбирает Лейбниц, и как его политическая мысль связана с его метафизической системой.

Ключевые слова: суверенитет, федерация, Лейбниц, Боден, свобода, республика

Политическая мысль знает немало случаев, когда вопросы, казалось бы, однажды уже решенные самим ходом истории, снова оказываются актуальными, а устоявшиеся понятия снова ставятся под вопрос. К таким понятиям относится и понятие суверенитета. Многовековая традиция рассмотрения международного положения сквозь призму суверенитета отдельных государств (воюющих между собой, заключающих мир и союзы) уже давно подвергается сомнению, а это, в свою очередь, создает известные трудности в понимании того, что происходит здесь и сейчас. Может ли суверенитет, понятый как высшая власть на определённой территории, быть совмещён с идеей наднационального государства? На этот счёт существуют

© Башкина О. М., 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке Центра исследований «Res Publica» (Европейский университет в Санкт-Петербурге) и Фонда «Династия».

диаметрально противоположные мнения: от полного отвержения состоятельности этого понятия (Sassen, 1996; Eleftheriadis, 2010) до безоговорочного принятия логики суверенитета в контексте, например, такого сложного образования, как Европейский союз (Loughlin, 1996; Walker, 2001), который оказался беспрецедентным явлением в политической истории. С одной стороны, ЕС обладает общим правом, регулирующим отношения своих стран-членов и граждан, с другой стороны, ЕС не имеет исключительной власти над международной политикой стран, входящих в его состав. Согласно Лиссабонскому договору (2007), регулирующему существование ЕС, как сам Евросоюз, так и страны-члены в отдельности имеют право на заключение международных соглашений. Считать ли входящие в него страны суверенными государствами? Имеет ли сам ЕС характерные признаки суверенного государства? В современных дискуссиях часто упускают из виду, что эти вопросы не столь уж новы для Европы и что понятие суверенитета уже ставилось под вопрос крупнейшими европейскими мыслителями, которые пытались осмыслить опыт формирования новых политических образований после Тридцатилетней войны и Вестфальского мира, который, как часто и не совсем точно утверждают, положил начало системе равноправных суверенных государств, возникшей на месте распадающейся Священной Римской империи. Что дело было далеко не так просто, показывает не только обращение к юридическим документам эпохи, но и к сочинениям значительных авторов, которые мы можем оценить по достоинству, быть может, только сейчас. Один из этих авторов — великий немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц, написавший, помимо прочего, политико-философские работы, анализу которых в основном и посвящена данная статья.

Начиная свой почти трехсотстраничный трактат о суверенитете, Лейбниц отмечает, что тема, к которой он приступает, предельно запутанна и неоднозначна (Leibniz, 1998: 114). По его мнению, только Гуго Гроций удалось осветить проблему суверенитета и уделить достаточное внимание деталям. Свою теорию Лейбниц считает новаторской, поскольку она основывается не на абстрактных понятиях, а на примерах реально существующих государств (Ibid.). Понятие суверенитета остается крайне спорным и для современных политических теоретиков. В научных дискуссиях на эту тему обсуждаются следующие вопросы: применяется ли понятие суверенитета только для описания национального государства и подходит ли оно для других форм политических образований? Многие диагностируют кризис понятия «суверенитет», полагая, что оно уже потеряло свою описательную ценность.

Традиционно суверенитет трактовался как высшая власть в пределах отдельной территории, сохраняющая независимость от внешнего вмешательства. Такое толкование суверенитета, однако, сложно применить к образующимся наднациональным структурам. Казалось бы, международные организации или новые типы федерации, такие как Европейский союз, полностью нарушают логику суверенитета, в которой важное место занимает независимость от внешнего влияния. И все же современная теория постоянно пытается переосмыслить идею суверени-

тета с учетом возникновения новых обстоятельств, вводя такие понятия, как *late sovereignty* (Walker, 2003), *retrospective sovereignty* (Albi, 2003), *demoicracy* (Bellamy, 2013).

Найти новое определение суверенитету пытался и Лейбниц. Обращаясь к опыту современной ему Священной Римской империи и отмечая недостатки существующих теорий суверенитета, Лейбниц критиковал абсолютный и неделимый суверенитет и стремился показать, что это понятие не лишается значимости, если к нему добавлено свойство делимости. Разработанная Лейбницем теория суверенитета — одна из самых малоизученных в истории политической мысли. В данной сфере Лейбниц находится в тени своих известных современников — Гоббса, Локка и Пуфендорфа. Между тем политические взгляды этого великого философа, математика, физика или лингвиста, открывающие новую грань его творчества, заслуживают внимания.

Лейбниц об относительном суверенитете и *persona juris gentium*

Политические трактаты занимают в наследии Лейбница отнюдь не центральное место, количество их невелико по сравнению с трудами на другие темы. Изначально его интерес к политическим вопросам был связан с работой библиотекарем и официальным историком при дворе герцога Ганноверского. Его теория должна была концептуально оправдать стремление герцога к участию в международной политике. Тем не менее мысль Лейбница не становится менее самобытной и достойной внимания. Для того чтобы учесть включение в политику новых субъектов, он разработал два понятия — «относительный суверенитет» и «лицо международного права» (*persona juris gentium*). Второе важное теоретическое достижение Лейбница — разделение терминов «конфедерация» и «союз» (*unio*). Используя понятие относительного суверенитета совместно с теорией универсальной юриспруденции, Лейбниц стремился, с одной стороны, оправдать свой проект объединенной Европы и восстановления значимости фигур императора и папы, а с другой — определить роль новых акторов как в рамках Германской империи, так и в пределах всей Европы.

Лейбниц в контексте эпохи

Лейбниц родился в 1646 году, за два года до окончания Тридцатилетней войны (1618–1648). В 1668 году он начал службу при дворе князя-епископа Иоганна Филиппа фон Шенборна, курфюрста Майнца. В 1677 году продолжил службу при дворе герцога Брауншвейг-Люнебургского в Ганновере. Пребывая в разных должностях (дипломат, юрист, советник, историк и т. д.), Лейбниц был осведомлен обо всех насущных политических вопросах. Значимость его позиции определялась еще и тем, что герцог Брауншвейг-Люнебургский был имперским князем (*Reichsfürst*), а не курфюрстом, т. е. хотя и имел членство в рейхстаге, но не допускался к

выборам императора. На примере притязаний герцога Лейбниц призывал к необходимости реформирования империи и налаживания дипломатических отношений внутри Европы.

Главным из последствий религиозных конфликтов между католиками и протестантами стала Тридцатилетняя война. С 1648 года и подписания Вестфальского мира Европа начала искать новые формы организации как религиозной, так и светской власти. Соглашение оформило процесс разделения государств и утвердило принцип государственного суверенитета, т. е. полную независимость каждого из государств и равенства между ними. А поскольку основой мирного договора была идея баланса сил, то особое значение придавалось практике международных отношений и договоров между суверенными государствами. Это приводит к вопросу о границе между простым соглашением суверенных государств и таким государством, которое соблюдает принцип территориального суверенитета входящих в него членов и вместе с тем представляет собой нечто большее, чем договор независимых территорий.

В свою очередь, именно дипломатические миссии стали ключевым пунктом утверждения самостоятельности князей на территории империи, поскольку возможность иметь своего посла доказывала независимость как на международном уровне, так и внутри империи. Именно в сфере дипломатических отношений проявились первые притязания на независимость, и именно с обсуждения вопросов дипломатии зарождается интерес Лейбница к проблеме суверенитета.

Лейбниц о праве имперских князей

Первая сложность, с которой столкнулся Лейбниц, заключалась в том, что князья, в том числе и герцог, при дворе которого он служил, стали претендовать на самостоятельность внутри империи. Обращение Лейбница к проблеме суверенитета началось с вопроса о возможности участия герцога Брауншвейг-Люнебургского в переговорах по поводу мирного договора между Голландией, Испанией, Германской империей и Францией в Неймегене в 1678 году. Герцог отстаивал свое право на участие в переговорах, стирая границу между своим статусом и статусом курфюрстов. Эту проблему Лейбниц обсуждает в работе «Беседа Филарета и Эжена о вопросе беспокойного времени в Неймегене, касающегося права посольства курфюрстов и имперских князей» («Entretien de Philarète et d'Eugène Sur la question du temps agitée à Niwmeque touchant le droit d'ambassade des Electeurs et Princes de l'Empire» (1677)). Вопрос, который ставит перед собой Лейбниц, звучит так: «Имеют ли имперские князья право отправлять послов в Неймеген и нужно ли относиться к этим послам так же, как к послам королей и курфюрстов или князей Италии»¹. Лейбниц отвечает на этот вопрос утвердительно. Понятно, что стремление к участию в международных переговорах и было одновременно притязанием на суве-

1. A IV, 2, 296-297. Si les Princes de l'Empire ont droit d'envoyer des Ambassadeurs à Nimwegue, et si ces Ambassadeurs y doivent être traités comme ceux des Royes et Electeurs, ou Princes d'Italie.

ренитет. Требовалось определить статус этих новых субъектов и решить, какую роль они могут играть в международной политике, но вместе с тем и то, какое место они занимают внутри империи. Пример переговоров в Неймегене показывает, что вопрос о территориальном суверенитете для Германской империи встал в первую очередь в сфере межгосударственных отношений (Nijman, 2004: 32).

Для того чтобы оправдать независимое положение немецких князей и описать устройство империи, которое не было бы основано, с одной стороны, на феодальном праве, а с другой — на идее абсолютного суверенитета, Лейбниц разрабатывает теорию относительного суверенитета² и обсуждает понятие «лицо международного права». Эти два понятия должны рассматриваться неразрывно, поскольку они выражают близкие смыслы. В предисловии к работе «Свод права народов» (Codex Juris Gentium (1693)) Лейбниц дает следующее определение: «Лицом международного права является тот, кто обладает публичной свободой так, чтобы он не находился во власти другого, но сам бы имел право войны и заключения договоров»³. Политическим субъектом Лейбниц считает того, кто не находится во власти другого. Это напоминает определение суверена у Бодена как того, кто имеет право законодательства, но сам не подчиняется ничьему закону. Однако Лейбниц не останавливается на этом определении и продолжает:

«Хотя, возможно, он ограничен путями обязательств по отношению к вышестоящему и приносит ему оммаж, обещает верность и повиновение. Если его авторитет достаточно велик, ему подходит имя высшей власти, и он называется сувереном и потентатом. Отсюда рождается право, которое у галлов называется *la souveraineté*, а по-латыни *suprematus* и которое не исключает существования в государстве вышестоящего, так же как примат в Церкви не исключает существование высшего»⁴.

Называть кого-то *persona juris gentium*, следовательно, можно было, только признавая за ним же суверенитет. Однако, как следует из второй части цитаты, этот суверенитет будет уже не абсолютным и неделимым. Суверенитет вполне можно разделить, а также совместить с более высокой инстанцией власти, которая не будет ограничивать независимость и свободу подчиненного ей, и он будет находиться в своем праве, т. е. не будет во власти другого. А значит, суверенитет перестает быть абсолютным понятием и становится относительным. Такое концептуальное решение, несомненно, было идеальным в споре между императором и князьями. И все же нужно подробнее изложить понимание Лейбницем того, каким образом

2. Термин «относительный суверенитет» (relative sovereignty) в отношении теории Лейбница используется в работе: Nijman, 2004.

3. A IV, 5, 74. Personam juris Gentium habet, cui libertas publica competit, ita ut in alterius manu ac potestate non sit, sed per se jus armorum, foederumque habeat.

4. Ibid., 74. Quanquam forte obligationum vinculis superiori sit astrictus, et homagium, fidem, obedientiam profiteatur. Quod si magna satis ejus sit autoritas, Potentatus nomine venit, vocaturque Souverain et potentat; unde jus nascitur, Gallis dictum la souveraineté, latine suprematus, qui tamen superiorem in Republica non magis excludit, quam in Ecclesia primatus priorem.

такое разделение и в то же время совмещение суверенитетов может осуществляться, сохраняя свободу каждого из субъектов и вместе с тем обеспечивая некую форму подчинения.

О понятии относительного суверенитета

Основная работа, посвященная понятию суверенитета у Лейбница, — «Caesarinus Fürstenerius (De Suprematu Principium Germaniae)» («О верховенстве князей Германии») 1677 года. Вопросы, которые должна прояснить эта работа, следующие: «что такое город, что такое государство, что есть свобода, что есть наивысшая власть; что относится к королю, а что является правом территориального правления, что является ограниченным и что такое союз многих республик»⁵.

В поддержку своей новой теории суверенитета Лейбниц различает два понятия — «господин территории» и «господин юрисдикции» («ибо одно — господин юрисдикции, иное же — господин территории») ⁶. *Dominus jurisdictionis* вправе принимать решения относительно судебных разбирательств и издавать указы. Это право тем не менее не делает его власть суверенной. Сувереном можно называть *Dominus territorii* на том основании, что он: 1) обладает правом территориальной власти и может собрать под своим началом людей, живущих на его территории, в том числе для защиты этой территории, и 2) обладает правом участия в международных переговорах и тем самым свободен от власти императора на своей территории. Подвластной территории Лейбниц дает следующее определение: «территория — общее название и для города, и для страны, и для отрезка земли. Но помимо основного значения, оно также выражает и собрание прав. Территория обозначает совокупность прав, которая может существовать на заселенном участке земли»⁷. Из разделения Лейбницем двух понятий — *dominus jurisdictionis* и *dominus territorii* — можно сделать вывод о природе относительного суверенитета. Определение размера территории, достаточного для того, чтобы назвать управляющего ею сувереном, очень смутно. Поэтому никакой разницы, кроме различия в степени между двумя видами власти, нет. Не существует различия в природе между центрами силы, существует только степень этой силы, увеличение которой может определяться увеличением размера территории и количеством людей, готовых подчиняться этой силе.

Итак, суверенами называются те, кто обладает достаточно большой территорией и может собрать армию («illi tantum vocantur Souverains ou Potentats, qui territorium majus habent, exercitumque educere possunt») ⁸. Ниже я вернусь к вопросу

5. A IV, 2, 53. Quid sit Civitas, quid Respublica, quid Libertas, quid summa Potestas; quid Regalia, quid jus Superioritatis territorialis, quid Reservata, quid unio plurium Rerumpublicarum.

6. Ibid., 53. Aliud enim est Dominus jurisdictionis, aliud Dominus territorii.

7. Ibid., 54. Territorium commune est nomen civitati vel ditioni, sive terrae tractui; sed praeter rem subjectam, etiam jurius aggregatum exprimit. <...> Territorium universitatem jurius quae in portionem terrae habitam competere potest, significet.

8. Ibid., 55.

о том, как независимые территории могут объединяться в более крупные союзы, не теряя своей независимости и тем не менее образуя единое государство. Примерами таких объединений в современной ему Европе Лейбниц считает Германскую империю, Швейцарский союз и Республику нижних земель, как кажется, не видя между ними существенной разницы (Riley, 1973: 91).

Об отношении частей империи и верховной власти

Определяя природу взаимоотношения территорий в рамках более крупного единства, Лейбниц вводит новую дистинкцию: на этот раз он разводит понятия *confoederatio* и *unio*.

«Существует большая разница между конфедерацией и союзом, такая же, как между товариществом и корпорацией. Общество существует тогда, когда принадлежащее многим по жребию распределяется между отдельными [людьми] и прибыль делится на всех. Но в корпорации или коллегии возникает некое новое гражданское лицо, и то, что приносится в общую казну, принадлежит уже не отдельным [людям], но самой корпорации. И прибыль распределяется никак иначе, чем по решению всех, либо большинства [людей]. В конфедерацию вступают только на словах, и если надо, объединяются войска. Для союза же нужно, чтобы было образовано определенное руководство, с некоторой властью над его членами. Эта власть осуществляется на основе правового обычая в важных делах, касающихся публичного благополучия. И в таком случае, я утверждаю, существует республика»⁹.

Чтобы показать, что объединение независимых территорий должно основываться не просто на договоре, но быть объединено общей администрацией, Лейбниц выдвигает два аргумента: во-первых, он утверждает, что даже в абсолютной национальной монархии верховная власть не имеет права на существование, и во-вторых, став относительным понятием, суверенитет переходит из превосходной степени в сравнительную за счет того, что вступает в подчинение другой инстанции — *majestas*.

В работе «Беседа Филарета и Эжена...» Лейбниц касается вопроса разделения власти императора и князей. Здесь он проводит различие между понятиями «величие» (*majestas/majesté*) и «суверенитет» (*suprematus/souveraineté*), определяя величие как «верховное право повелевать, не подчиняясь никому»¹⁰, а суверенитет — как «легитимную и обыкновенную власть принуждать подчиненных к

9. Ibid., 57–58. Multum autem interest inter Confoederationem et Unionem[,] quemadmodum inter Societatem et Collegium. Societas est plurium cum res in sortem collata singulorum est, lucrum inter omnes dividitur: sed in Corpore vel Collegio nova quaedam persona civilis constituitur et quae in commune aerarium illata sunt, non singulorum sunt, sed Corporis ipsius, nec lucra nisi ex omnium vel majoris partis sententia distribuuntur. Confoederatio solis verbis inicitur et si opus est, junguntur vires: ad Unionem opus est, ut certa quaedam administratio constituatur cum aliqua et in membra autoritate, quae ubicunque de rebus majoris momenti ac salutem publicam spectantibus, ordinario jure obtinet, ibi Rempublicam esse ajo.

10. A, IV, ii, 308. Le droit supreme de commander sans pouvoir ester commandé de qui que ce soit.

повиновению, не находясь в подчинении»¹¹. Разделив эти два понятия, Лейбниц приписывает величие императору, а суверенитет — князьям. На первый взгляд кажется, что оба понятия очень близки по смыслу, но Лейбницу важно отметить их различие¹². Лейбниц не объясняет, как должно выглядеть разделение компетенций между императором и князьями, скорее, этот пассаж опять же важен для него, чтобы подчеркнуть независимость князей. Будучи защитником идеи Христианской республики, Лейбниц приписывает верховенство и величие императору, подчеркивая незаменимую роль императора и папы в поддержании единства Европы. Князьям же он дает полную независимость в управлении своими территориями. Князья настолько свободны от принуждения императора, что склонить их к подчинению в случае разногласий он может только посредством объявления войны¹³.

Если суверен — тот, кто достаточно силен для того, чтобы участвовать в международных делах, заключать договоры и вступать в войну, то все германские князья (и свободные города, которые также считались суверенными) встают на один уровень с европейскими монархами. Но при этом они вместе формируют государство иного рода, поскольку существует такая власть, как *majestas*, которая объединяет их в своем подчинении. Касаясь вопроса о том, как должно быть организовано управление таким государством, Лейбниц предлагает организацию ассамблей для того, чтобы предотвратить централизацию власти. Притом что суверены обладают полным правом на своей территории, они подчиняются воле, исходящей от императора. А эта воля, в свою очередь, сформирована не единолично, а с помощью деятельности совета и «обсуждением тех, кто занимал высшие гражданские и военные посты»¹⁴. В отказе любого из носителей власти подчиняться решению таких советов заложено основание выхода из его подчинения или превращение *aptitudo* (возможности) политического действия для всех подчиненных в *facultas* (способность), т. е. право на восстание. Лейбниц утверждает, что политическое действие основывается не на «распоряжениях, выпущенных на основании полноты власти, но на требованиях, переговорах и обсуждениях»¹⁵.

Предлагаемая Лейбницем альтернатива обращает внимание как на недостатки теории абсолютного суверенитета Бодена, так и на ошибки тех, кто пытался применить эту теорию к отличным от унитарных образованиям, например Пуфендорфа, называвшего Германскую империю монстром¹⁶. Подчеркивая изъясны тех и других, Лейбниц говорит: «Ученые мужи, которые занимались обсуждением

---

11. Ibid. Un pouvoir legitime et ordinaire de contraindre les subjects à obèir, sans pouvoir ester constraint.

12. Ibid. Car autre chose est le droit de commander, autre chose est ke droit reconnu de contraindre sans difficulté.

13. A, IV, ii, 334. soy même si ce n'est par une guerre.

14. Ibid., 60. deliberatione eorum qui prima munera civilia ac militaria tenebant.

15. Ibid., 59. non mandatis plenitudine potestatis emissis, sed postulationibus, negotiationibus, atque tractatibus.

16. Пояснение в последующей цитате см. в: Leibniz, 1988: 117–118. Здесь П. Райли пишет, что критика Лейбница направлена именно на Бодена и Пуфендорфа, а также на ряд других авторов (Chemnitz, Simmler).

этого вопроса, перешли границу в обоих направлениях: ибо, когда они допускали единство республики, они полагали, что упраздняется свобода или верховенство отдельных членов; а когда принимали свободу отдельных членов, считали, что образуется не единая республика, а лишь союз»¹⁷. В первом случае сама идея федерации становится невозможной, а во втором она сводится к сфере международных отношений. Тем самым Лейбниц предлагает совмещать идеи суверенитета и идеи федерации в ситуации, просуществовавшей лишь около 50 лет, когда образовался своего рода баланс между теряющей значимость центральной властью в империи и набирающими силу регионами — например, Пруссией, Баварией, Саксонией. Федерация в понимании Лейбница — это не просто договор между суверенными правителями, как понимали ее Боден и Пуфендорф (Riley, 1976: 12). Идею же абсолютного суверенитета он отвергает на том основании, что нельзя помыслить никакой власти, которая не была бы при этом подчинена более высокой.

«Высшую власть, о которой говорит Гоббс, я не считаю ни возможной, ни желанной, разве что те, в чьих руках она должна находиться, имели бы ангельские добродетели. Ибо люди выберут следовать своей собственной воле и будут решать о своем благополучии, как им кажется наилучшим, пока их не убедит мудрость и сила правителя, что необходимо для наилучшей покорности воли. Поэтому доказательства Гоббса имеют место только в такой республике, где царем является Бог, и лишь ему одному мы можем доверять во всем»¹⁸.

Такое взаимоограничение суверенитетов Лейбниц признает не только и не столько в пределах империи. Исторический контекст размышлений Лейбница — попытка противопоставить что-то колониальной политике Луи XIV. Его предложение монарху в работе «Египетский совет» («*Consilium Aegyptiacum*» (1671)) вместо войны с Республикой соединенных провинций переключиться на войну с Османской империей свидетельствует о попытках Лейбница обосновать согласие между европейскими странами. Его план объединенной Европы, или Христианской республики, показывает, что совмещение и сочетание суверенитетов может и должно осуществляться на наднациональном уровне. Это возможно, поскольку законы внутри одного государства не принимаются по произволу абсолютного правителя. Каждый закон должен быть согласован с принципом, общим для всех людей, а этот принцип заложен в естественном праве. Поэтому Лейбниц отверга-

---

17. Ibid., 58. *Viri eruditi qui hoc argumentum tractavere, alterutro modo limites excessere: nam admissa unitate Reipublicae credere sublatam in singulis membris libertatem sive Suprematum; vel concessa singulorum membrorum libertate, non unam Rempubicam, sed nudum foedus constitui sunt arbitrati.*

18. Ibid., 60. *Imperia ergo Hobbiana neque possibilia neque optanda censeo; nisi illi penes quos summa rerum esse debet, angelicis virtutibus polleant; tam diu enim homines retinendam judicabunt propriam voluntatem suaeque saluti prout optimum videbitur consulent, quamdiu de Rectorum summa sapientia et potentia persuasi non erunt, quod ad perfectam voluntatis resignationem necesse est. Locum ergo demonstrationes Hobbianae in ea tantum Republica habent, cujus Rex Deus est; cui soli tuto per omnia confidi potest.*

ет предложенную Гоббсом аналогию между состоянием войны всех против всех между людьми и таким же состоянием между государствами. Государства не находятся в состоянии войны, если над ними нет абсолютного правителя, потому что их изначально объединяет одно основание.

Лейбниц пытается решить концептуальную задачу, как в рамках новой политической теории определить, чем являются такие государства, как Священная Римская империя. Проблема для него состоит в том, почему можно считать государством такое объединение, в котором существует не одна, а несколько или много волей. Чтобы решить эту проблему, он, начиная со сферы международных отношений, применяет введенное Боденом понятие «суверенитет». Однако, используя то же самое слово, Лейбниц изменяет его смысл и создает теорию не абсолютного, а относительного суверенитета, который определяет как власть, не исключающую существования над собой более высокой власти. Выясняя то, как суверенные территории слагаются в единое государство, Лейбниц вводит понятие «*unio*», чтобы обозначить порядок начальствования над каждым сувереном и объяснить принцип их единства. Для обозначения высшей власти в империи (которая тем не менее не исключает автономии входящих в ее состав территорий) Лейбниц использует понятие «*majestas*». Это именно то латинское слово, которое Боден считает синонимом суверенитета. Таким образом, Лейбниц разделяет смысл боденовского понятия надвое: одну часть — территориальную автономию — он применяет к местным князьям, а другую — верховенство власти — к императору. Но эта верховная власть именно за счет признания независимости суверенов земель становится не властью *ex plenitude potestatis*, но властью, основанной на обсуждении.

* * *

В статье Лейбниц был представлен как критик теории абсолютного суверенитета. По его мнению, существующее понятие суверенитета никак неприменимо к тому, что он мог наблюдать в современной ему Священной Римской империи. Логика абсолютной центральной власти не отражала реального разделения власти. Кроме того, Лейбниц видел и концептуальные трудности в применении нового понятия. Теория суверенитета предполагала существование либо унитарного государства, либо контракта между несколькими такими государствами. Ни то, ни другое не соответствовало форме государственного объединения, которую можно было наблюдать в империи. Чтобы разрешить эти трудности в применении понятия суверенитета, Лейбниц предлагает свой вариант описания отношений между элементами внутри государства и представляет такую модель, которую сейчас можно было бы назвать федеративной. Однако для самого Лейбница слово «федерация», скорее, соответствовало бы отношениям контракта между государствами (от *foedus* — договор, союз), а такое отношение он подвергает критике.

В предложенной им модели Лейбниц больше внимания уделяет не связи между частями государства, а отношениям между элементами и верховной властью. Он

описывает иерархическую структуру, где определяющим свойством каждого звена является то, что оно подчинено другому элементу и одновременно стоит над низшей составляющей частью. Лейбницу не важен вес каждой части в целом, ему важно то, что на каждом уровне существует точка власти, а лестница суверенитетов продолжается до бесконечности. Такую многомерную структуру Лейбницу позволяет создать его принципиально персонифицированная метафизика, где во главу угла ставится бесконечное множество монад как точек силы в мире.

Итак, начав с необходимости доказать независимость князей от императора, Лейбниц предложил новую возможность использования понятия «суверенитет». Суверенитет не только не может быть абсолютным и неделимым, но такие свойства полностью противоречат его природе. По Лейбницу, чтобы адекватно описывать политическую реальность и не впадать в логические ошибки, правильнее мыслить суверенитет в категориях делимости.

Литература

- Albi A.* (2003). Post-modern versus Retrospective Sovereignty: Two Different Sovereignty Discourses in the EU and Candidate Countries? // *Sovereignty in Transition* / Ed. N. Walker. Oxford: Hart Publishing. P. 401–422.
- Bellamy R.* (2013). “An Ever Closer Union Among the Peoples of Europe”: Republican Intergovernmentalism and Democratic Representation within the EU // *Journal of European Integration*. Vol. 35. № 5. P. 499–516.
- Bodeker H. E.* (2002). Debating the Respublica Mixta: German and Dutch Political Discourse around 1700 // *Republicanism: A Shared European Heritage*, Vol. 1 / Ed. M. van Gelderen, Q. Skinner. New York: Cambridge University Press. P. 219–246.
- Bodin J.* (1992). *The Six Books of a Commonwealth* / Transl. R. Knolles, Ed. K. Douglas McRae. Cambridge: Harvard University Press.
- Bodin J.* (1993). *Les six livres de la République* / Éd. G. Mairet. Paris: Librairie générale française.
- Eleftheriadis P.* (2010). Law and Sovereignty // *Law and Philosophy*. Vol. 29. № 5. P. 535–569.
- Franklin J. H.* (1991). Sovereignty and the Mixed Constitution: Bodin and His Critics // *The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700* / Ed. J. H. Burns. New York: Cambridge University Press. P. 298–328.
- Kalyvas A.* (2015). Rethinking “Modern Democracy”: For a Democratic Critique of Political Modernity. Available at: <https://cuptw.files.wordpress.com/2015/01/kalyvas-rethinking-modern-democracy.pdf> (accessed 20.07.2015).
- Kooijmans P. H.* (1964). *The Doctrine of the Legal Equality of States*. Leyden: A. W. Sythoff.
- Leibniz G.W.* (1983–). *Sämtliche Schriften und Briefe, Reihe IV: Politische Schriften*. Berlin: Akademie.

- Leibniz G. W.* (1988). *Political Writings* / Ed. P. Riley. New York: Cambridge University Press.
- Loughlin M.* (1996). *Legality and Locality: The Role of Law in Central-Local Government Relations*. Oxford: Clarendon Press.
- Nijman J. E.* (2004). *Leibniz's Theory of Relative Sovereignty and International Legal Personality: Justice and Stability or the Last Great Defence of the Holy Roman Empire*. *IILJ Working Paper, 2004/2*. Available at: <http://www.iilj.org/publications/documents/2004.2%20Nijman.pdf> (accessed 20.07.2015).
- Riley P.* (1973). *The Origins of Federal Theory in International Relations Theory // Polity*. Vol. 6. № 1. P. 87–121.
- Riley P.* (1976). *Three 17th Century German Theorists of Federalism: Althusius, Hugo and Leibniz // Publius*. Vol. 6. № 3. P. 7–40.
- Sassen S.* (1996). *Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization*. New York: Columbia University Press.
- Steinberg J. D.* (2008). *Spinoza on Being sui iuris and the Republican Conception of Liberty // History of European Ideas*. Vol. 34. № 3. P. 239–249.
- Walker N.* (Ed.). (2003). *Sovereignty in Transition*. Oxford: Hart Publishing.
- Ward A., Ward L.* (Eds.). (2009). *The Ashgate Research Companion to Federalism*. Farnham: Ashgate.
- Wilson P. H.* (2006). *Still a Monstrosity? Some Reflections on Early Modern German Statehood // Historical Journal*. № 49. P. 565–576.

Leibniz on the Division of Sovereignty

Olga Bashkina

Graduate Student, Institute of Philosophy, KU Leuven, Belgium

Address: Frederik Lintstraat 186, 3000, Leuven, Belgium

E-mail: olga.bashkina@gmail.com

G. W. Leibniz is usually not regarded as a political philosopher. However, despite this prevailing opinion, Leibniz' impact on political theory is valuable. The paper discusses Leibniz in the context of the history of the concepts of "sovereignty" and "federation", and demonstrates that Leibniz presents an original interpretation of these concepts. Even though Leibniz' attention to the problem of sovereignty is conditioned by the practical interests of his patron, the Duke of Brunswick-Lüneburg, and Leibniz' own intentions to participate in international negotiations, Leibniz' theoretical solution is no less original. Leibniz, in his attempt to defend the independence of imperial princes, creates an alternative to Jean Bodin's theory of absolute sovereignty, and argues that sovereignty is compatible with divisibility. In demonstrating the possible coexistence of several centers of power, Leibniz makes the notion of sovereignty relative, which, however, does not force him into rejecting the notion entirely. The article discusses the historical context framing the appearance of the Leibniz' doctrine, the reasons why Leibniz is critical of Bodin's theory, and the innovations introduced by his approach. Based on Leibniz' texts *Codex Juris Gentium* (1693)

and *Caesarinus Fürstenerius (De Suprematu Principium Germaniae)* (1677), the paper analyzes the development of his theory, and shows how power is divided between the Emperor (*majestas*) and the princes (*suprematus*). The paper raises the questions of how Leibniz' interests are similar to those of contemporary political theorists in trying to reevaluate the notion of sovereignty, of which model of federation Leibniz prefers, and of how his political ideas are connected with his metaphysical system.

Keywords: sovereignty, federation, Leibniz, Bodin, liberty, republic

References

- Albi A. (2003) Post-modern versus Retrospective Sovereignty: Two Different Sovereignty Discourses in the EU and Candidate Countries? *Sovereignty in Transition* (ed. N. Walker), Oxford: Hart Publishing, pp. 401–422.
- Bellamy R. (2013) "An Ever Closer Union Among the Peoples of Europe": Republican Intergovernmentalism and *Demoicratic* Representation within the EU. *Journal of European Integration*, vol. 35, no 5, pp. 499–516.
- Bodeker H. E. (2002) Debating the Respublica Mixta: German and Dutch Political Discourse around 1700. *Republicanism: A Shared European Heritage, Vol. 1* (eds. M. van Gelderen, Q. Skinner), New York: Cambridge University Press, pp. 219–246.
- Bodin J. (1992) *The Six Books of a Commonwealth* (ed. K. Douglas McRae), Cambridge: Harvard University Press.
- Bodin J. (1993) *Les six livres de la République* (ed. G. Mairet), Paris: Librairie générale française.
- Eleftheriadis P. (2010) Law and Sovereignty. *Law and Philosophy*, vol. 29, no 5, pp. 535–569.
- Franklin J. H. (1991) Sovereignty and the Mixed Constitution: Bodin and His Critics. *The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700* (ed. J. H. Burns), New York: Cambridge University Press, pp. 298–328.
- Kalyvas A. (2015) Rethinking "Modern Democracy": For a Democratic Critique of Political Modernity. Available at: <https://cuptw.files.wordpress.com/2015/01/kalyvas-rethinking-modern-democracy.pdf> (accessed 20 July 2015).
- Kooijmans P. H. (1964) *The Doctrine of the Legal Equality of States*, Leyden: A. W. Sythoff.
- Leibniz G. W. (1983–) *Sämtliche Schriften und Briefe, Reihe IV: Politische Schriften*, Berlin: Akademie.
- Leibniz G. W. (1988) *Political Writings* (ed. P. Riley), New York: Cambridge University Press.
- Loughlin M. (1996) *Legality and Locality: The Role of Law in Central-Local Government Relations*, Oxford: Clarendon Press.
- Nijman J. E. (2004) Leibniz's Theory of Relative Sovereignty and International Legal Personality: Justice and Stability or the Last Great Defence of the Holy Roman Empire. *ILLJ Working Paper*, 2004/2. Available at: <http://www.iilj.org/publications/documents/2004.2%20Nijman.pdf> (accessed 20 July 2015).
- Riley P. (1973) The Origins of Federal Theory in International Relations Theory. *Polity*, vol. 6, no 1, pp. 87–121.
- Riley P. (1976) Three 17th Century German Theorists of Federalism: Althusius, Hugo and Leibniz. *Publius*, vol. 6, no 3, pp. 7–40.
- Sassen S. (1996) *Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization*, New York: Columbia University Press.
- Steinberg J. D. (2008) Spinoza on Being sui iuris and the Republican Conception of Liberty. *History of European Ideas*, vol. 34, no 3, pp. 239–249.
- Walker N. (ed.) (2003) *Sovereignty in Transition*, Oxford: Hart Publishing.
- Ward A., Ward L. (eds.) (2009) *The Ashgate Research Companion to Federalism*, Farnham: Ashgate.
- Wilson P. H. (2006) Still a Monstrosity? Some Reflections on Early Modern German Statehood. *Historical Journal*, no 49, pp. 565–576.